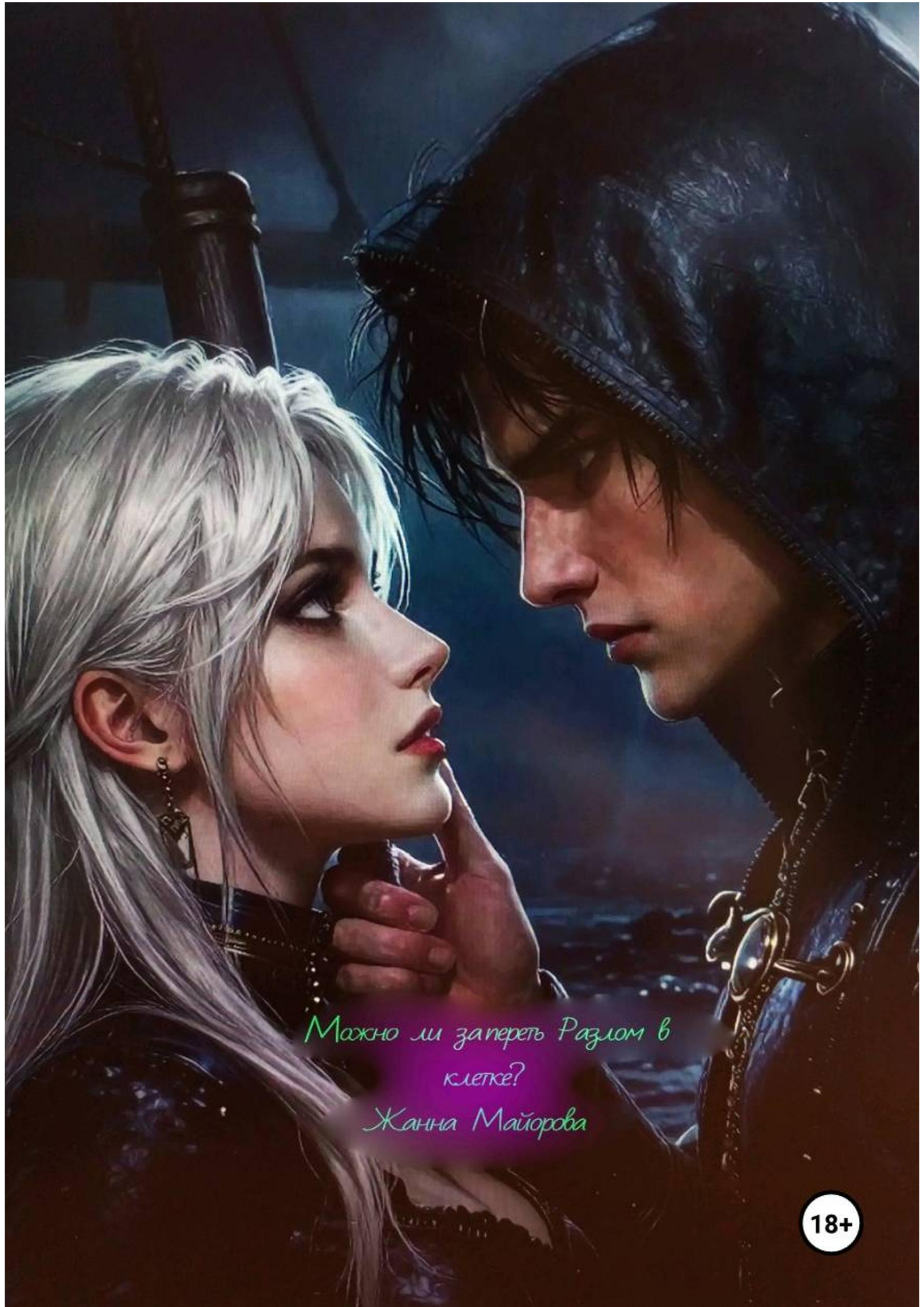

*Можно ли запереть Разлом в
клетке?*

Жанна Майорова

18+

Жанна Майорова

**Можно ли запереть
Разлом в клетке?**

«Автор»

2026

Майорова Ж.

Можно ли запереть Разлом в клетке? / Ж. Майорова — «Автор», 2026

Разлом - трещина в море. Аномалия - его осколок внутри неё. Лирен Аверрис, капитан контрабандистского дредноута, носит в себе частицу бездны. Она не собирается ни перед кем отчитываться - тем более перед ледяным магистром, который видит в ней лишь угрозу и инструмент. Ашриэль Карн привык всё контролировать. Он запирает её в клетку. Он угрожал ей казнью. Но когда за спиной оказываются чистильщики теневого отдела, а впереди - смертельные рифы, им приходится работать в тандеме. Их столкновение было неизбежно. Их влечение - опасно. Каждая стычка, каждая провокация, каждое случайное прикосновение стягивают узел напряжения всё туже. Потому что, когда встречаются Шторм и Порядок, рождается штиль, в котором нечем дышать. А потом приходит цунами. Он называл её бракованным артефактом. Она называла его бездушным сухарём. Они оба ошибались. Когда «Айвери» держит курс в пасть Разлома, им предстоит понять - можно ли запереть бездну в клетке? Или бездна затянет обоих? Аверрис: Дитя разлома Лирен Аверрис / Ашриэль Карн

© Майорова Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Первый галс	5
Глава 2. Мёртвый штиль	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Можно ли запереть Разлом в клетке?

Глава первая. Первый галс

Ночь пахла солью, мазутом и – Лирен чуяла это кожей – близкой бедой.

«Айвери» резал чёрную воду на пределе хода. Она чувствовала надсадные стоны старого дредноута, дрожь переборок, передающуюся через рукояти штурвала в ладони, как чувствуют биение сердца близкого человека. Корабль не любил, когда из его котлов выжимали всю мощь, заставляя задыхаться в пару, но сегодня выбора не было.

Лирен стояла на ходовом мостике, вцепившись в штурвал так, словно держала за горло врага, и вела судно сквозь ночь с той звериной, интуитивной точностью, которую не купишь даже за самый жирный гонорар и не вычитаешь ни в одном навигационном трактате Магистериума.

Позади неё, на краю мостика, Сайлен возился с биноклем – старым, капризным, доставшимся ему, по мнению Лирен, в наследство от прадеда. Прибор тихо потрескивал, нагреваясь в ладонях, и картограф ругался сквозь зубы, протирая линзы краем рубашки. Лирен не оборачивалась. Она знала этот звук, знала эту возню – привычный, почти успокаивающий шум, фон их бесчисленных ночных вахт.

– Зверюга, – позвал Сайлен, не отрываясь от бинокля. – Ты какая-то взвинченная сегодня. Даже твоя спина демонстрирует раздражение.

– Пффф. За нами погоня, Сайлен. Было бы странно, если бы я была расслабленной.

– Погоня – это да. – Он, наконец, поднял голову, и она спиной почувствовала его взгляд.

– Но дело не только в погоне. Ты смотришь на него иначе.

Лирен сжала штурвал крепче. Аномалия под кожей едва заметно пульсировала, вторя её раздражению. Не надо было уточнять, на кого.

– Я на него не смотрю. Я смотрю на море.

– Ага. На море. Разве что на океан в его глазах.

У этого картографа слишком часто отрубает инстинкт самосохранения. Хотя... делать такие намёки можно разве что тогда, когда у неё штурвал в руках, и она не может сомкнуть пальцы на чьей-то шее.

– Сайлен, ещё одно слово – и ты будешь доставать этот бинокль из своей прямой кишки.

Он фыркнул, но ничего не ответил. Лирен знала, что он всё понимает. Всегда понимал – Сайлен умел читать её, как свои карты, – с первого взгляда, без компаса и легенды. За то недолгое время, что они шли бок о бок, он выучил все её рифы, фарватеры и мели. Она бы назвала его своим братишкой, если бы произносить такое не казалось ей кошунственным. И не было так больно.

Она перевела взгляд на тёмную фигуру у правого борта.

Ашриэль Карн. Магистр. Лирен навела о нём справки перед экспедицией – через портовых информаторов, старых знакомых по Нижнему городу. В портовых кабаках о нём говорили неохотно и негромко: он сам вышел из этих кабаков и знал цену каждому слову. Выходец из трущоб. Бывший подпольный боец. Единственный из теневого отдела, кого уважали без пафоса, но с неизменной тревогой – потому что он был своим и всегда оказывался на шаг впереди. Человек, который знает Нижний город изнутри и поэтому опаснее любого чиновника из Верхнего.

Лирен припомнила всё, что знала о подпольных клубах Нижнего города. Там бились насмерть – без правил, без жалости, без права на ошибку. Проигравших выносили вперёд ногами, победители пили бесплатно. И среди завсегдатаев ходила легенда об одном бойце. «Маленький монстр» – так его называли. Совсем молодой, тощий, жилистый – никто не ставил

на него в первых боях. А он выходил на ринг и доказывал обратное. Говорили, он не дрался – он выгрызал победу. Зубами, когтями, чем угодно. А потом исчез. Одни говорили – в доки ушёл, другие – что в Магистериум забрали.

Тогда Лирен отмахнулась от этих слухов. Мало ли в Аркадесе бывших бойцов, спившихся или сгинувших в трущобах. Но теперь, глядя на Карна, она видела это. Видела в том, как он стоит – не прислоняясь к поручню, а опираясь на него ровно настолько, чтобы в любую секунду оттолкнуться и атаковать. В том, как его пальцы сжимали край карты – не нервно, а расчётливо, словно прикидывали, сколько нужно силы, чтобы сломать. В том, как он смотрел – не на море, а в море, как смотрят на противника перед боем.

«Маленький монстр». Теперь это прозвище обрело плоть и кровь.

Она бросила быстрый взгляд за корму, туда, где ещё час назад темнел в волнах живой силуэт судна. Корабль ремезаров было не спутать ни с чем – он не плыл, а словно дышал, и его биолюминесцентная кожа мерцала в такт волнам, как россыпь звёзд на ночном небе. Сейчас горизонт был чист. Раэль предупреждал, что живому судну нужна подпитка, рифовый покой, несколько часов на восстановление. Они отстали.

При мысли о Раэле внутри неё что-то сжалось – не больно, скорее странно. Она не испытывала к нему того, что испытывала к Карну, – того обжигающего, ядовитого напряжения, от которого перехватывало дыхание. С Раэлем было иначе. Теплее. Спокойнее. Как в гавани, куда возвращаешься после долгого рейса.

Но поцелуй... Она помнила тот момент до мельчайших деталей. Помнила, как горела, а силы утекали, как вода сквозь пальцы. Помнила, как Раэль склонился над ней – огромный, тёмный, с мерцающими на коже созвездиями, – и как его пальцы с когтями, способными легко вспороть человеческую плоть, невероятно осторожно коснулись её подбородка. Помнила свой страх – не перед ним, а перед тем, что будет дальше. А потом – его губы на своих, и прохладу его магии, разливающуюся по телу, исцеляющую.

Это не было романтично. Это было жутковато и странно, как всё, что связано с магией Нового Света. Но когда она теперь, стоя у штурвала, периодически (чтоб не расслаблялся!) бросала Карну в лицо колкости, ловила себя на мысли о том, что Раэля ей поддразнивать не так интересно...

Слишком много сложных, таинственных мужчин и женщин появилось в её окружении в последнее время. Лирен уже и не помнила, когда в прошлом кто-то был способен заинтересовать её столь же сильно. А тут... такое гендерное разнообразие.

Подумать об этом, как всегда, было некогда. Когда рядом не оказалось ни ремезаров, ни их зорких глаз, ни их дипломатической неприкосновенности, – из ночи вынырнули три тёмных силуэта.

– Зверюга, они сократили дистанцию!

Голос Сайлена выдернул её из запутанных мыслей. Она мотнула головой, отгоняя остатки задумчивости, и вцепилась в штурвал.

– Три борта, – доложил картограф. – Идут без огней. Как призраки.

Без огней. Лирен сжала зубы так, что заныла челюсть. Патрульные суда всегда ходили с опознавательными знаками – таков был устав даже для самых ретивых служаек Магистериума. А те, кто гасит огни, либо контрабандисты, либо убийцы. Контрабандисты не стали бы нападать на дредноут. Она сама была контрабандисткой и знала, что их кодекс – не лезь к своим. Значит – убийцы.

– Карн! – рывкнула она через плечо. – Твои?

Магистр стоял у правого борта, вцепившись в поручень. Ветер трепал его тёмный, отсыревший от брызг плащ, бросал в лицо солёную пену, но он не шевелился. Лирен видела только его спину – прямую, напряжённую, как натянутый канат, – и ждала ответа. Он молчал. Слишком долго для человека, который всегда знает, что сказать.

– Карн! – повторила она уже резче. – Ты оглох? Водичка в уши натекла? Я спросила! Это твои? Из Магистериума? Твои драгоценные коллеги решили нас поприветствовать?

– Это не патруль.

Он, наконец, оторвался от поручня и шагнул ближе к штурвалу. Теперь Лирен видела его лицо – мокрое от брызг, с прилипшими ко лбу тёмными прядями. На скуле алела свежая царапина – должно быть, задело осколком снасти. Но не это заставило её внутренне напрячься. Его голос. В нём не было привычного льда, не было снисходительного превосходства. Что-то другое. Более личное. Похожее на ярость, сжатую в кулак до побелевших костяшек.

– У них нет опознавательных знаков, – произнёс он, и каждое слово падало, как камень в воду. – Но я узнаю строй. «Клещи». Так ходит только теневой отдел Магистериума.

Сайлен присвистнул. Этот свист разрезал воздух, как лезвие абордажной сабли.

– Теневой отдел? Это же твои, Карн. Ты настолько в немилости?

– В немилости – кое-у-кого. – Магистр перевёл взгляд на Лирен, и она почувствовала его тяжесть, как физическое давление. – Это чистильщики. И они пришли за мной.

Внутри у неё всё похолодело. Не от страха – от злости. Он притащил за собой хвост. На её корабль. К её команде.

– Ты хочешь сказать, – её голос упал до опасного шёпота, – что мои люди сейчас под огнём из-за тебя?

Аномалия под кожей отозвалась глухим пульсом. Кончики пальцев начало покалывать – верный признак того, что сила рвётся наружу. Лирен заставила себя дышать ровно.

– Я хочу сказать, что, если мы не уйдём от них, твои люди будут мертвы из-за меня. – Карн развернул карту, которую до этого сжимал в руке, и ткнул пальцем в тёмное пятно у побережья. – Вот. Аномальная зона, рифы и мелководье. Они на своих перехватчиках туда не сунутся.

Лирен бросила взгляд на карту и едва не расхохоталась ему в лицо.

– Рифы Скорпиона? Ты спятил, Магистр. Там глубина – четыре сажени на входе, и то по фарватеру, который знают только контрабандисты. Я в их числе, если ты забыл. «Айвери» не пройдёт.

– Пройдёт.

– Что?

– Пройдёт. – Он не отводил взгляда. – Если ты действительно тот капитан, которым себя считаешь.

Это было уже слишком.

Она отпустила штурвал – всего на секунду, но корабль тут же клюнул носом, и где-то внизу послышался звон разбитого стекла. Сайлен вцепился в леер и тихо выматерился. Лирен не обратила внимания. Она шагнула к Карну, сократив расстояние между ними до минимума. Он был выше на голову, но сейчас это не имело значения. Она чувствовала запах соли и металла от его плаща, видела, как бьётся жилка на его шее – быстро, слишком быстро для человека, который всегда контролирует своё тело.

– Кислая попытка взять меня на слабо... На моём корабле, – процедила она, чеканя каждое слово, – я решаю, кто на что способен. Понял?

Ни на дюйм не отступил, мерзкий, самодовольный, помешанный на контроле психопат. Его глаза – тёмные, почти чёрные в ночном свете – смотрели прямо в неё, и Лирен вдруг осознала, что их лица разделяет каких-то полфута. Она видела каждую ресницу, каждую каплю воды на его скулах, каждую микротрещину в ледяной маске. Обычно резкое сближение заставляло людей отшатнуться. Хотя бы инстинктивно. Обычно. Работает с обычными людьми. С психами не работает.

– У них приказ. Убрать меня, – произнёс он тихо, почти без интонации. – Свидетелей они не оставят. Либо ты проведёшь корабль через рифы, либо завтра нас всех выловят из воды. Выбирай.

Что-то дрогнуло в его голосе на слове «нас». Не «меня». «Нас». Лирен смотрела ему в глаза и понимала, что он не запугивает. Карн просчитал варианты, и других вариантов нет. Он, чёрт бы его побрал, прав.

– Чёрт бы тебя побрал, Карн, – выдохнула она, подумала и ещё раз – вдруг сбудется? – Чёрт бы тебя побрал, – девушка резко развернулась к штурвалу. – Сайлен! Держись за что-нибудь, сейчас будет трясти!

«Айвери» лёг на новый курс, опасно накренившись на правый борт. Где-то в трюме что-то покатилося и с грохотом врезалось в переборку. Что-то большое. Лирен уже не обращала внимания. Она держала штурвал мёртвой хваткой, чувствуя, как аномалия внутри неё разгорается. Но не разрушительным пожаром. Чем-то более тонким, похожим на натянутую струну. Сколько оттенков у неё, оказывается.

Оказалось после знакомства с Ашриэлем, мать его, Карном. Её беспокоили его изощрённые способности задевать. По-настоящему. Довести до слез Лирен Аверрис... Ну, живых людей, способных на это, немного. А этот живёхонек! Лирен была достаточно честна с собой, чтобы понимать, что он и правда её беспокоит. Значит нужно поскорее избавить свою жизнь от него. Дистанция. Единственный рабочий вариант.

Девушка прищурилась.

Впереди, в крошечной тьме, проступали изломанные силуэты скал. Белые буруны на рифах светились в ночи, как оскаленные зубы.

Она не видела проход. Даже, бездна побереи, не видела!

Вода была черна, как дёготь, луна спряталась за облаками.

Но она чувствовала. Кожей, той аномальной частью себя, которую он так хотел запереть в клетку. Рифы отзывались в её сознании глухим эхом, как подводный колокол. Течение огибало подводные камни, и она вела корабль по этой невидимой нити с точностью, недоступной никаким приборам.

– Курс – норд-норд-вест, два румба! – отрывисто бросил Карн, встав рядом с ней.

Больше не пытался отобрать штурвал, не совсем отбитый всё же. Стоял плечом к плечу, вглядываясь в карту, которую придерживал локтем, чтобы не сорвало ветром, и диктовал курс с точностью навигационного автомата.

– Через три кабельтова – резко на зюйд! Там проход между двумя скалами!

– Вижу!

– Ты не можешь видеть! Там жуткая темень, Аверрис!

– Я не глазами вижу, Магистр!

«Айвери» вошёл в проход. Корпус содрогнулся – киль прошёл в считанных футах от острого камня, и Лирен почувствовала этот камень не обшивкой, а собственными рёбрами. Родной мой, милый потрёпанный старичок, давай! Лирен ощущала своё судно, будто "Айвери" состоял не из досок, а из живой ткани, как корабль ремезаров.

Волна ударила в левый борт, окатив палубу градом ледяных брызг. Сайлен вскрикнул, но удержался, вцепившись в снасти. Карн стоял, как вкопанный, и только побелевшие пальцы, сжимавшие край карты, выдавали его напряжение.

Ещё поворот. Ещё. Она крутила штурвал, не думая, полностью доверившись чутью, которое никогда её не подводило. Аномалия пульсировала в такт волнам, вела её сквозь скалы, и где-то в глубине души Лирен знала, что именно за это он её и ненавидит. Или не ненавидит? За то, что она умеет то, чему нельзя научиться. За то, что она и есть тот самый хаос, который он всю жизнь пытается обуздать. В себе и вокруг себя.

– Левый борт! – рявкнула она. – Скала!

- Вижу! Держи правее!
- Не могу, там риф!
- Тогда по центру! Давай!

Они кричали одновременно, перебивая друг друга, и в этом хаосе голосов, ветра и скрежета снастей рождалось что-то странное – ритм. Слаженность. Он считал, она чувствовала. Он давал курс, она вела. И это работало.

Позади, в ночи, три тёмных силуэта замедлили ход. Они не рискнули идти в рифы. Лирен увидела это краем глаза и позволила себе короткий, торжествующий выдох. Но ещё не всё.

– Они будут ждать нас с другой стороны, – произнёс Карн, словно прочитав её мысли. – Нужно пройти зону насквозь и выйти в открытое море с севера. Я знаю проход.

- Я тоже его знаю, – отрезала она. – Не первый год в море.
- Тогда чего ты ждёшь?

Она не ответила. Крутанула штурвал вправо, уводя корабль в узкую щель между двумя отвесными скалами, и «Айвери» послушно скользнул в темноту. Ещё полчаса манёвров – и рифы остались позади. Открытое море встретило свежим ветром и пустым горизонтом. Преследователей не было видно.

Лирен позволила себе выдохнуть. Чёрт... Только сейчас она заметила, что её пальцы, сжимающие штурвал, дрожат от перенапряжения. Мышцы ныли, спина одеревенела, а во рту стоял металлический привкус – девушка прикусила губу во время одного из манёвров и даже не заметила.

- Сеньорита Аверрис.

Голос Карна прозвучал ближе, чем она ожидала. Обернулась – и обнаружила, что мужчина стоит в шаге от неё. Мокрый плащ прилип к плечам, волосы спутаны ветром, на скуле – замеченная ранее царапина, из которой сочилась тонкая ниточка крови. Взгляд – тяжёлый, изучающий. Смотрел на неё так, словно пытался разгадать шифр, к которому у него не было ключа. Ну что ещё? Она же послушалась. Лирен захотелось сделать бросок вперёд и укунить его за нос. Среагирует или нет?

– Что? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Магистр, желаете сказать, что я молодец? Не надорвитесь от такого признания. Я знаю, Аши, сладкий, как тебе это тяжело даётся.

Неуместно, наверное. Зато привычный щит, который она поднимала автоматически, без видимого усилия.

Он не ответил на колкость. Снял перчатку – медленно, почему-то только с правой руки, – и коснулся её пальцев, всё ещё лежащих на рукояти штурвала.

Короткое, почти невесомое прикосновение. Обнажённые пальцы легли поверх её костяшек – тёплые, шершавые, с мозолями от оружия и снастей, – и замерли на один удар сердца. Всего на один. Но... По руке, от места прикосновения мужских пальцев, разлилось что-то горячее, совершенно не связанное с аномалией. Лирен перестала дышать.

А он взял и убрал руку. Не дав ей разобраться.

– Ты вела корабль. Я давал курс. – Он помолчал, и она заметила, как дёрнулся кадык на его горле. – Это сработало.

– Надо же. – Она криво усмехнулась, но усмешка вышла усталой. Адреналин отступал, и на его место приходила опустошённость. – Магистр Карн признал, что я на что-то гожусь. Запиши в судовой журнал, Сайлен.

Сайлен, всё ещё бледный после прохода через рифы, слабо махнул рукой.

- Запишу, Зверюга. Прямо под пунктом «чуть не угробились о скалы».

Карн не поддержал шутку. Он всё ещё стоял рядом – слишком близко, по меркам Лирен, – и смотрел на неё этим своим непонятным взглядом.

– К тому времени, как они обогнут рифы, подтянется Раэль, – сказала она, просто чтобы нарушить затянувшееся молчание. – И тогда чистильщикам придётся иметь дело не только с нами. Сомневаюсь, что они захотят портить отношения с ремезарами.

Что-то промелькнуло в его лице при упоминании ремезаров. Тень. Микроскопическое движение желваков. Уголок рта дёрнулся – едва заметно, но Лирен заметила. Она всегда замечала такие вещи. Это был дар, проклятие и главное оружие. Для выживания и нападения.

– Ах да, – протянула она, и в её голосе прорезались опасные, бархатные нотки, которые появлялись всякий раз, когда она собиралась нанести удар ниже пояса. – Раэль. Уже скучаю по нашему загадочному ремезарчику. Тебе его тоже не хватает, да, Магистр?

"Того самого, что целовал меня у всех на глазах?". Вопрос не был задан. Она не станет наносить один и тот же удар. Это... Не изящно. Не с таким интересным противником.

Карн замер. Абсолютно. Ни единого движения – только желваки на скулах заходили ходунном.

– Это было необходимо для спасения от шторма, – произнёс он ровно, но Лирен услышала лёд, которым он пытался заморозить собственный голос.

– О, разумеется. У них ещё эта миленькая, но очень спорная способность... Исцеление через слизистую. Хорошо, что я просто красивая девчонка, которая уже справила совершеннолетие. А то спасать от штормов и исцелять, например, детей было бы... – Она кивнула с преувеличенно серьёзным видом. Карн, наверняка, думал об этом тоже. Но она тут же в свойственной себе хаотичной манере сменила тему. – Очень научно. Очень обоснованно. Скажи, Карн, а тебе понравилось зрелище?

Его пальцы, уже снова затянутые в перчатку, сжались в кулак. Конечно, он не ответит. Но его реакции... Ммм... Бесценно.

– Я спрашиваю, – продолжала она, растягивая слова, как тянучку, наслаждаясь. Всё-таки можно ударить в то же место ещё раз. Если сработает. – Тебе понравилось смотреть, как другой мужчина меня целует? Ты завидовал?

– Сеньорита Аверрис, вы переходите границы.

– О, я их постоянно перехожу. Ты ещё не привык? – Она склонила голову набок, разглядывая его с видом кошки, поймавшей мышь. – Ты всё увиливаешь от ответа. Хотел бы окатиться на его месте, а, Магистр?

Выдержала паузу. Он молчал. Наорёт или нет?

– Ладно, можешь не отвечать и в этот раз, – сказала Лирен, её улыбка стала шире. Надо отомстить за эту привычку приказывать ей на её же корабле. – Я и так знаю. Уверена, что хотел бы.

Тишина, повисшая между ними, была плотной, как вода на глубине. Карн смотрел на неё – нет, не смотрел, сверлил взглядом, – в его тёмных глазах творилось что-то, чему она не могла подобрать названия. Ярость? Желание? И то, и другое сразу, сплавленное в гремучую смесь. Бочка с порохом, вокруг которой она как сумасшедшая плясала с факелом.

– Мы ещё не закончили, Аверрис, – произнёс он, наконец, и это прозвучало не как угроза. Как обещание.

Развернулся и ушёл – тяжёлым, чеканящим шагом, не оборачиваясь. Дверь в надстройку хлопнула. Лирен осталась стоять у штурвала одна – с колотящимся сердцем, с горящей от его прикосновения кожей и с одним-единственным словом, вертевшимся на языке.

«Ублюдок».

Надо было додавить его, чтоб сорвался, при всех.

"Ублюдок".

Но это слово – она понимала с пугающей ясностью – прозвучало бы сейчас совсем не так, как раньше.

Сайлен, всё это время молча наблюдавший за ними с кормы, тихо хмыкнул.

– Зверюга, – позвал он, и она обернулась. – Знаю ответ, но всё же спрошу, ты специально его дразнишь?

– Конечно. – Она пожала плечами, хотя сердце всё ещё колотилось где-то в горле. – Это весело.

– Весело? – Картограф покачал головой и снова припал к биноклю, вглядываясь в горизонт. – По-моему, ты играешь с огнём.

– Я всегда играю с огнём, Сайлен. В этом и смысл. Иначе я просто перестану ощущать вкус жизни.

Она развернулась к штурвалу и посмотрела вперёд, в ночь.

...

Каюта Ашриэля Карна тонула в полумраке. Единственная дуговая лампа на столе бросала дрожащий желтоватый свет на разбросанные карты, навигационные приборы и старый, обгоревший по краям трактат в потёртом кожаном переплёте.

Мужчина стоял над столом, опираясь на него обеими руками, и смотрел на книгу.

Особенная. Он купил её на первый крупный гонорар за бой. Ему тогда было шестнадцать. Он помнил запах типографской краски, помнил, как провёл пальцами по тиснёному корешку, помнил странное, почти болезненное чувство в груди – предвкушение. Словно эта книга была не просто бумагой и чернилами, а дверью. Выходом. Окном в новый мир.

Хозяин не оценил.

«Ты здесь не для того, чтобы умничать, щенок. Ты здесь, чтобы драться».

Он помнил, как ещё одна книга полетела в огонь. Помнил запах гари. Помнил лицо хозяина – перекошенное, брезгливое. И помнил свою ярость – слепую, первобытную, от которой мир сузился до одного-единственного желания. Уничтожить. Он избил его. Жестоко. Так, как учили – на ринге.

Так, как тот сам его учил. Хорошо ведь научил.

Оставил лежать в луже собственной крови, забрал деньги, забрал один уцелевший трактат и ушёл.

«Маленький монстр» – так его называли тогда. Он ненавидел это прозвище. Тупость. Но оно было правдой.

Ашриэль опустил в кресло и потёр переносицу. Пальцы всё ещё дрожали.

Он коснулся её.

Зачем? Что на него нашло? Он же знал – нельзя. Нельзя подходить так близко. Нельзя снимать перчатку. Нельзя касаться её кожи – даже на секунду, даже невесомо, даже в качестве... чего? Благодарности? Признания?

Ложь. Ашриэль коснулся её не из благодарности. Она всё же послушалась. Не стала упрямиться в критический момент.

Чёрт. Нет.

Коснулся её, потому что хотел. Потому что весь этот безумный проход через рифы – её руки на штурвале, голос, перекрывающий вой ветра, аномалия, ведущая корабль сквозь скалы, – всё это заставило его почувствовать то, что он запретил себе чувствовать много лет назад. Восхищение. Уважение.

Нет, не так.

Восхищение женщиной.

Он снова посмотрел на книгу. На обгоревший угол, на выцветшие буквы. Когда-то этот трактат был его спасением. Теперь он держался за него, как за якорь, – последнее, что связывало его с тем мальчишкой, который выгрыз себе жизнь из грязи Нижнего города.

Тот мальчишка понял бы Лирен. Тот мальчишка, возможно, даже полюбил бы её. Но мужчина, которым он стал, – Магистр, вдовец, человек, носящий кольцо на цепочке у сердца, – не имел на это права.

Он сделал несколько размеренных вдохов-выдохов. Как делал перед каждым боем. Много лет назад. Пальцы больше не дрожали.

Но... под рёбрами, в том месте, где он привык не чувствовать ничего, тянуло и давило.

...

Рассвет застал «Айвери» в открытом море.

Волны успокоились, ветер стих до лёгкого бриза, и небо на востоке медленно наливалось бледным золотом.

Лирен стояла у левого борта, обхватив ладонями горячую кружку. Там плескалось нечто, что Элеонор гордо называла «восстанавливающим отваром», а все остальные – «пойлом, от которого хочется сдохнуть». Но пить было можно. Даже нужно – после такой ночи.

Шаги за спиной она услышала раньше, чем он заговорил.

– Не спится, сеньорита Аверрис?

Карн. Кто же ещё. Она не обернулась.

– Смена ещё не кончилась, Магистр. Капитан не спит, пока корабль в море.

– Корабль в безопасности. Можешь отдохнуть.

– Сама решу, когда мне отдыхать.

Он встал рядом – на расстоянии вытянутой руки, не ближе. Лирен чувствовала его присутствие каждой клеткой. Соль, металл, какое-то совершенно точно дорожное мыло. Карн, наверное, мылся раз восемь на дню. Мужской запах, который стал слишком узнаваемым. Нечего ему постоянно крутиться рядом. Ей не надо это запоминать.

Молчание затянулось. Не враждебное. Иного рода. Словно оба хотели что-то сказать, но не знали, как.

– Там, на рифах, – произнёс он, наконец. – То, что ты делала со штурвалом. Это была аномалия?

– Это был опыт. – Она сделала глоток. – И аномалия, ладно. И то, и другое сразу.

– Ты контролировала её.

– Я с ней сотрудничала. Это разные вещи. Иногда получается. Я не такое уж неуправляемое чудовище, нуждающееся в клетке и кандалах.

Лирен очень старалась не звучать как обиженная девчонка, которую мальчишки не берут играть.

Он повернул голову и посмотрел на неё. Лирен ответила прямым взглядом. В утреннем свете его глаза казались не чёрными, а тёмно-серыми, как штормовое небо. Усталость. Не физическая, душевная. Этот человек не спал уже много лет.

– Я, правда, впечатлён, не думал, что у тебя получится, – сказал он спокойно.

Просто... Нет слов. Девушка готова была ему врезать.

– Для напыщенного идиота с бумажками, помешанного на порядке, ты слишком уж беспечен, – Она пожала плечами, скрывая бешенство. – Не стоит так доверять мне. Вдруг ради того, чтобы избавиться от тебя, я решу расхреначить свой корабль.

Маски одна за другой быстро сменились на его лице. Она заметила, успела. Как он подобрал подходящую. Ледяное спокойствие.

– Я был уверен, что ты подчинишься. И не предашь меня. Помнится, ты говорила, что не собираешься этого делать. Или что-то изменилось?

Лирен отвернулась. Почти физически девушка ощущала жжение в глазу, аномалия шептала, соблазняла поджарить ему мозги.

Аверрис вздохнула.

На горизонте, там, где небо встречалось с водой, появилась тёмная точка. Она росла, обретала форму – и вскоре можно было различить знакомый, ни с чем несравнимый силуэт живого корабля.

– Разэль, – сказала Лирен, и сама не узнала свой голос. Подлитое в него тепло ощущалось слишком отчётливо.

Карн проследил за её взглядом. Его лицо напряглось, ледяная маска даже не треснула.

– Что ж, – произнёс он ровно. – Теперь у чистильщиков будут проблемы.

– Я всегда предсказываю правильно. – Она оторвалась от борта и направилась к штурвалу.

– Это мой дар.

- Ты отлично умеешь хвалить себя сама. Так что больше не выпрашивай похвалы у меня.

- Нужен ты мне!

Девушка фыркнула.

Ремезарский корабль приближался. На его палубе, у самого борта, стояла высокая тёмная фигура. Разэль. Полукровка, чей поцелуй однажды спас ей жизнь.

Лирен подняла руку в приветственном жесте. И не заметила, как пальцы Карна, сжимавшие поручень, сжались ещё крепче.

Глава 2. Мёртвый штиль

Утро после ночной погони пахло йодом, мокрым деревом и затишьем. Его-то Лирен не любила больше всего. Именно этот хитрый вид затишья. Непонятный. Хотя в жизни Аверрис любое затишье было недобрым. Шторм хотя бы честен. Он бросает тебе в лицо всё, что у него есть, и не притворяется. А затишье лжёт. Гладит море в штиль и нащёптывает, что всё позади. Чтобы потом ударить в спину.

Ремезарчик возвращался.

Лирен стояла на носу «Айвери», облокотившись о фальшборт, и смотрела, как живой корабль приближается с севера. Огромный, древний и пугающе живой. Это было зрелище, к которому невозможно привыкнуть. Он плыл и он дышал. Его кожа, тёмная, как графит, мерцала в утреннем свете биолюминесцентными прожилками, и ритм этого мерцания совпадал с ритмом волн – или, может быть, волны подстраивались под него. Кто знает, как устроены эти существа? Даже Сайлен, рисовавший карты всю жизнь, не мог сказать наверняка, где у живого кораблика нос, а где корма. Аверрис советовала не говорить такого на корабле, а то вдруг он... вообще она и обидится? Хотя любой бы обиделся, если бы его лицо спутали с задницей.

– Красиво, – пробормотала Лирен себе под нос. – И жутко. Как всё в этом мире.

На палубе показалась знакомая фигура. Раэль. Даже на расстоянии его было не спутать ни с кем. Выше любого человека на голову, плечи – как корабельные балки, тёмная кожа, на которой проступали созвездия. Узор его звёзд был уникален – Лирен отчего-то знала это с того самого дня, когда он оказался непозволительно близко к ней, истекающей кровью. Настолько, что она могла пересчитать каждую светящуюся точку на его скулах.

«Будет странно. Но не больно».

Девушка помнила, как он сказал тогда. И действительно – было странно. Когтистые пальцы, способные легко вспороть человеческую плоть, держали её подбородок с осторожностью, какой не ожидаешь от существа его размеров. И они уже неприлично много раз целовались для... вынужденных партнёров?... просто случайных попутчиков по дороге в бездну?... членов клуба ненавистников Ашриэля Карна? Лирен была уверена, что противный магистр Раэлю тоже не нравится.

Хмм... Ремезарчик. Девушка прикрыла глаза, не без наслаждения вытаскивая из памяти воспоминания. Когда он целовал её, его губы оказались прохладными – не ледяными, а именно прохладными, как вода в летний полдень. Магия потекла сквозь неё, затягивая раны, и Лирен видела то, чего не должна была видеть. Его боль. Его одиночество. Полукровка, изгой, мальчишка, у которого на глазах убили родителей. Она увидела это – и ничего не сказала. Потому что он не спрашивал.

Сейчас Раэль стоял на палубе своего живого корабля и смотрел на «Айвери» с тем спокойным, изучающим выражением, которое Лирен научилась читать не сразу. Он не улыбался. Его улыбку вообще надо было постараться поймать. Но нечто в его позе, в лёгком наклоне головы говорило, что он рад их видеть.

Ремезарский корабль подошёл к «Айвери», как старый кит к знакомому рифу. Медленно, величественно и без страха. Матросы перекинули трап – тяжёлые, пропитанные солью доски легли между двумя кораблями, соединяя их, как рукопожатие. Раэль перешёл первым. Дерево даже не скрипнуло под его весом – то ли он был легче, чем казался, то ли его народ умел ходить иначе, не тревожа землю под ногами.

– Капитан Аверрис. – Его голос был низким и ровным, как гул далёкого прибоя. – Рад, что вы все целы. Мы заметили отблески техномагии на юге и поспешили, как только корабль восстановил силы.

– Когтястик! – Лирен шагнула навстречу и хлопнула его по плечу, – жест, который для неё был так же естественен, как дышать, а для любого стороннего наблюдателя выглядел бы фамильярностью, граничащей с дерзостью. Но Раэль был не «любой наблюдатель». Он был тот, кто однажды держал её жизнь в своих когтистых ладонях. – Ты опоздал к самому интересному. Три чистильщика, рифы Скорпиона, ночной слалом между скал. Сайлен чуть не поседел.

– Сайлен красит волосы, – раздался голос картографа откуда-то с кормы. – Это не седина, это модный оттенок. Между прочим, очень дорогой.

– О, прости нас, Вейрон! – Лирен картинно прижала руку к груди. – Мы не взяли на борт твоего личного мастера по волосам. Какое упущение! Как мы вообще посмели отплыть без него?

Сайлен фыркнул.

– Я тебе это припомню, Зверюга. Когда мы в следующий раз будем в порту, и ты захочешь сбежать за шоколадом, а наш магистр будет в ярости...

– Магистр всегда в ярости. Это его естественное состояние. Как не лопнет ещё от злости.

– У тебя лучше всех получается держать его в этом состоянии.

– Потому что я особенная! – Лирен довольно подбоченилась.

Раэль едва заметно дёрнул уголок губ – вероятно, это заменяло его широкую улыбку. Огромная рука поднялась и легко коснулась её предплечья. Не то чтобы Лирен запоминала, но... вчера того же места коснулся Карн. Девушка раздражённо прикусила губу.

– Твоя рука дрожит. Ты ранена?

– Пустяки. – Лирен отмахнулась, чувствуя, как от его прикосновения по коже разливается прохлада – отголосок той самой исцеляющей магии. – Перенапрягла за штурвалом. Знаешь, когда ведёшь дредноут через рифы вслепую, мышцы почему-то устают.

– Ты вела вслепую?

– Аномалия помогла. И один самоуверенный магистр, который орал мне курс в ухо, чтоб его кракен отодрал!

Раэль перевёл взгляд ей за плечо. Лирен не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто стоит у неё за спиной. Чувствовала его присутствие каждой клеткой – так море чувствует приближение грозы задолго до того, как небо темнеет.

– Магистр Карн, – произнёс Раэль. Тут же отвлекая внимание на себя. Его голос не изменился – всё тот же ровный, спокойный, – но Лирен заметила, как чуть напряглись его плечи.

Едва заметно.

Почти неуловимо.

Но она заметила.

– Хранитель Лиссан. – Карн вышел вперёд и встал рядом с Лирен – недостаточно близко, чтобы это выглядело как вызов, но и недостаточно далеко, чтобы это выглядело как безразличие. – Рад, что ваше судно в порядке. Надеюсь, в дальнейшем нам удастся избежать задержек.

Полувопросительно. Ладно. По мнению Лирен, в этом утверждении вопроса вообще не было. Ни грамулочки.

Их рукопожатие было как встреча двух течений – тёплого и ледяного, и никто не знал, что родится из этого столкновения. Когти Раэля легко коснулись тыльной стороны ладони Карна – ремезар мог бы поранить его одним неосторожным движением, но не сделал этого. Карн, в свою очередь, не отдёрнул руку и не отвёл взгляда. Они стояли друг напротив друга – два мира, Старый и Новый, – и воздух между ними звенел.

Что-то в этом было. Лирен бы покопалась, если бы ей была большая нужда. Ремезары не касаются людей без надобности. Этот жест что-то значил. И похоже, Карн-то понял, что.

– Чистильщики ушли, – сказал Раэль, отпуская его руку. – Мы не встретили их. Вероятно, они поняли, что преимущество упущено.

– Они вернутся, – ответил Карн ровно. – Теневой отдел не бросает начатое.

– Тогда мы будем готовы.

– Я всегда готов.

– Однако ваше умение наживать врагов, магистр, – Раэль произнёс это без улыбки, но с едва уловимой иронией, – сделало эту миссию опаснее, чем предполагалось изначально. Мы шли к Разлому, а теперь идём к Разлому с хвостом из чистильщиков.

Карн выдержал паузу. Ровно на полвдоха длиннее, чем требовала простая вежливость.

– Мои компетенции, Хранитель, позволяют решать такого рода... незначительные неприятности, – произнёс он, и слово «незначительные» упало в воздух, как камень в воду. – В том числе и те, что создают другие.

Раэль намекнул, что Карн – обуза. Карн парировал, что сам разберётся со своими проблемами, а заодно намекнул, что проблемы могут создавать и другие. Например, ремезары, которые отстали в самый неподходящий момент.

Лирен переводила взгляд с одного на другого и чувствовала, как уголки губ сами собой ползут вверх. О, так вот в чем дело. Занятно. Это было прекрасно. Два альфа-самца меряются... чем? Территорией? Влиянием? Или, может быть, кое-чем ещё? В таком случае у неё почти наверняка были для Аши плохие новости.

– Ладно, мальчики. – Она хлопнула в ладоши, разрушая напряжение. – Если вы закончили мериться, у кого длиннее... послужной список, предлагаю перейти к картам. Нам нужен новый маршрут. Чистильщики знают, где мы прошли, и будут ждать на обратном пути.

– Согласен, – кивнул Раэль.

Раэль едва заметно качнул головой – не то соглашаясь с ней, не то отпуская тему. Карн уже разворачивал карту – быстрее, чем требовала ситуация, словно хотел поскорее покончить с разговором, который задел его глубже, чем он готов был показать.

– Я подготовил три варианта, – добавил Карн тоном, в котором слышалось: «Я подготовил их ещё вчера, пока вы все спали».

Лирен закатила глаза.

– Разумеется, подготовил. Ты вообще когда-нибудь к чему-нибудь не готов, Магистр?

– Никогда.

– Ты меня всё больше пугаешь.

Она развернулась и зашагала к надстройке, оставляя мужчин стоять на палубе. За спиной она слышала, как Карн что-то говорит Раэлю – коротко, официально, – и как Раэль отвечает тем же. Их голоса были ровными, но под ними тек тот самый подводный поток, который не покажет ни одна карта.

...

День прошёл в работе.

Команда латала повреждения после ночного слалома, меняли порванные снасти, чинили треснувшую переборку в трюме, проверяли техномагические котлы. Лирен не покидала палубу до самого вечера – капитан не прячется в каюте, пока его корабль зализывает раны. Она работала наравне со всеми, тянула канаты, крепила узлы, орала на нерадивых матросов, которые перепутали правый и левый галсы.

К вечеру, когда солнце скатилось к горизонту и окрасило море в медный цвет, Лирен наконец позволила себе выдохнуть.

Нашла Сайлена на корме. Почему-то именно он ассоциировался у неё с отдыхом. Картограф развалился в своём любимом гамаке, натянутом между двумя кнехтами, и лениво покатывался, глядя в небо. Его светлые волосы, обычно идеально уложенные (На радость психу Карну, который точно считает, что волосы – это привилегия!), торчали во все стороны после долгого дня, и он был похож на взъерошенную чайку, которая только что пережила шторм (ох, не попадался бы ты на глаза магистру, белобрысик!).

– Подвинься, – сказала Лирен, усаживаясь на перевёрнутый ящик рядом с гамаком. В руках она держала старый компас – он барахлил всю прошлую неделю. Она достала маленькую отвёртку и начала ковыряться в механизме, просто чтобы занять руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.